ЦИРК С КОНЯМИ В КАЗЕННОМ ДОМЕ

Байки
из жизни армии, военной прокуратуры и полиции

ИЛЬЯ СТАЛЬНОВ

Илья Стальнов

Цирк с конями в казённом доме

«Эксмо»
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Стальнов И.

Цирк с конями в казённом доме / И. Стальнов — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097972-1

Редко когда встретишь такое сочетание: исчерпывающая компетентность автора в том, о чем он пишет, и легкий, свежий юмор, с каким он рисует подчас отнюдь не смешные сцены. Кто в полиции служил, в цирке не смеется. Любое ОВД — это не только место концентрации человеческих страстей, но и обитель абсурда, а также историй, которые в здравом уме не сочинишь. Так было, так есть. И в «святые девяностые», когда вся страна представляла собой сплошной сумасшедший дом; и в наши дни, когда граждане не успевают исполнять нововведения, потому что их почти сразу же отменяют. Все, о чем написано в книге, – плод личных авторских наблюдений за извивами бытия. Поначалу в качестве курсанта военно-юридического факультета, потом следователя военной прокуратуры, затем криминального журналиста, ну и, наконец, оперативника уголовного розыска. Словом, тут все по чесноку…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097972-1

© Стальнов И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Глава 3 9
Глава 4 14
Глава 5 15
Глава 6 18
Глава 7 25
Глава 8 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Илья Стальнов
Цирк с конями в казённом доме

Глава 1
Бонни и Клайд мытищинского розлива

Мытищи. 1991 год. Серия квартирных краж с одним почерком – некто чрезвычайно здоровый и мощный в отсутствие хозяев вышибает дверь квартиры. Воры выносят вещи, включая крупногабаритные, типа холодильников и телевизоров. И после каждого такого действа следует звонок в дежурку, и ехидный скрипучий голос сообщает:

– А на Садовой кражу раскрыли? Не-е-ет?.. И не раскроете. Это я ее совершил.

В очередной раз звонок прозвучал с известными уже словами в четыре утра, когда дежурный сладко спал и видел третий сон. В ответ на такое поругание его права на отдых по месту службы он минут пять материл абонента последними словами разной степени цензурности, которые тот внимательно выслушивал.

На следующий день в милицию с котомкой заявился истощенный, татуированный с ног до головы мужичок с ноготок лет пятидесяти, на плече его сиротливо болталась котомка, в которой профессиональной рукой было собрано все необходимое для дальней дороги и казенного дома. Он заявил с вызовом и угрозой:

– Ну-ка, покажите мне того гада, кто меня вчера так материл!

– Чего пришел-то, болезный? – осведомился дежурный.

– Чего, чего. Явку с повинной писать. На двадцать эпизодов.

– Ну так садись и пиши.

Выяснилось, что этот доходяга после очередной отсидки нашел себе сожительницу – бабищу кустодиевских объемов и форм. Даме сей он был по подмышку, а чтобы обнять ее – это его руки раза в три удлинить надо. Подбил ее на преступный образ жизни. Они выпасали квартиру, где никого не было. Она разбегалась и задницей вышибала дверь. Он заходил в квартиру. И грузил даму сердца, как верблюда, холодильниками, радиолами, а сам, погоняя ее, налегке гордо шествовал к себе на хазу.

И все было бы хорошо, но они по-крупному разлаялись. Дама, долго не рассусоливая, засветила кавалеру в глаз и выкинула за дверь.

– Я тебе устрою, – пообещал он напоследок.

И пошел писать явку с повинной.

Следователю он долдонил:

– Это она все делала. Дверь вышибала. Тащила на себе вещи. Я же туберкулезник. Я хилый. Не могу по здоровью тяжести носить. Вы ее на подольше посадите. А меня не надо сажать. Меня вы ну никак не посадите.

– Почему? – спросил следователь.

– Так у меня справочка имеется. Хорошая справочка. Из дурдома.

Кончилось тем, что ее посадили, а его нет – справка, никуда не денешься…

Глава 2
Ехали цыгане, не догонишь

Вражеский десант высадился в Московской области весной 1992 года, быстро присмотрел место для временной базы – обустроился в Ногинском районе – и стал совершать вылазки, поставившие на уши всю столицу.

Ну а если проще – в столичный регион из глубин Закарпатья прибыл цыганский табор больше сотни человек. И теперь каждым ранним утром цыгане садились в электричку и ехали потрошить Москву – заниматься кражами, гаданием, нищенствованием. Но самая коронка – наглые принародные грабежи с участием детей от семи до десяти лет. Работали в основном по иностранцам – то есть тем, у кого в убогой постперестроечной Москве был самый крутой прикид и самые крутые тачки. Выходит гламурная фифа из «Мерседеса». Пройдет два шага, и тут на нее налетает толпа малолетних чумазых негодяев. Облепляют ее, как тараканы. Дама, ничего не понимая, пытается стряхнуть их, а они уже врассыпную – с ее деньгами и драгоценностями. Пару женщин раздели чуть ли не догола в самом центре столицы.

Поскольку работали цыгане по самым солидным клиентам, очень быстро список их жертв стал напоминать перечень гостей дипломатического раута. Там и жена английского посла, и масса шишек рангом помельче, но все равно крупных. За пару месяцев табор, особо не напрягаясь, принес России семь дипломатических нот.

Поскольку исполнители преступлений были малолетними, то по закону уголовной ответственности не подлежали, и ничего сделать с ними было невозможно. Тогда мэр Москвы Юрий Лужков и глава областной администрации Анатолий Тяжлов издали совместное постановление о разгроме незаконного поселения в Ногинском районе и выселении оккупантов за пределы региона, лучше в их родные края.

Было где-то четыре часа утра, когда в актовом зале на Петровке, 38, планировалась атака на вражеские укрепления. Михаил Денисов, начальник «цыганского» отделения МУРа, к задаче подошел с размахом и скрупулезностью. На стене висели исполненные в лучших традициях военной топографии карты с изображениями лагеря противника, расстановки наших сил и средств, направлений основных ударов. Миша самозабвенно разъясняет порядок действий: откуда заходит штурмовая группа, где резерв, приданные силы, по какому сигналу выдвигаемся.

Ну, а потом апофеоз – выдвижение на цель и атака подлого врага.

Громим мы цыганский лагерь рано утром, пока его обитатели еще не сорвались на работу в Москву. Мы вылезаем из оперативных машин на стылое подмосковное шоссе. Рядом останавливается автобус с ОМОНом. Холодрыга собачья, в легкой куртке меня пробирает мелкий озноб, карман оттягивает баллончик со слезоточивым газом, из которого надлежит обильно опылять зловредных правонарушителей.

– Начинаем движение, – приказывает старший группы.

Мы растягиваемся в цепочку. Утренний туман, хруст веток, густая лесополоса. Массивные фигуры омоновцев в серой форме, с автоматами сильно напоминают егерей вермахта, вышедших на охоту за партизанами.

Впереди маячит просвет. По рации проходит сигнал:

– Захват!

Мы припускаем вперед бегом и выскакиваем на просеку.

Картинка предстает перед нами архаично-идиллическая, из времен раннего Средневековья. На просеке расставлены палатки, шалаши, ветхие временные строения. В лужах возятся босые пацаны – это в такой-то холод. Морозоустойчивые, гаденыши, прямо как белые медведи.

Босые цыганки варят на костре еду в чугунных котелках, другие прихорашиваются, готовясь к отъезду на работу. Мужчины-цыгане, как всегда, что-то жрут или кем-то понукают. Размеренная жизнь табора. И тут картина маслом: «Явление милиции цыганскому народу». Вы нас не ждали, ну а мы уже пришли.

Со всех сторон на табор накатывают бравые сотрудники ГУВД Москвы. И начинается знатная баталия.

Дальше все помню обрывками. Стук резинового «демократизатора» – это цыгану, решившему изобразить что-то крутое и непокорное, прилетает от омоновца, да так, что злодей валится на землю и особых признаков жизни не подает. Мерный стук дубинок – это омоновцы загоняют цыганских теток и детей в круг. С кряканьем удары омоновскими башмаками по ребрам – это цыган-мужчин раскладывают на влажной утренней почве. Звук защелкивающихся наручников.

Визг стоит такой, что уши глохнут – это орут цыганки. Их фирменный стиль – при задержаниях или разборках они моментально переходят на оглушительный вопль, оказывающий на неподготовленных людей парализующее действие. А могут и грудным ребенком в милиционера кинуть – такое тоже бывало. Но ОМОН к этим выкрутасам привычный. Бах, хрясь по ребрам, по ногам «демократизатором»: «В круг, сестрички, в круг, стоять и не вякать!»

Ругань, проклятия рушатся на наши головы Ниагарским водопадом. А мат стоит такой витиеватый, которого я раньше и не слышал.

– Чтоб тебе конь в глотку насрал! – это самое безобидное.

Ветер сегодня почти ураганный. Оперативники из наркоотдела вспарывают подушки, в которых цыгане любят прятать наркотики. Воздушный порыв поднимает пух, и кажется, что весной на землю обрушился густой новогодний снегопад. И в этом пуху задорно прыгает и катается, повизгивая от удовольствия, крупная, как теленок, немецкая овчарка, натасканная на поиск наркотиков.

Оперативник отводит в сторону пацана лет десяти – белобрысого, с голубыми глазами, странно выглядевшего на фоне своих черноволосых смугленьких собратьев.

– Ты кто? – с подозрением спрашивает опер.

Пацаненок гордо приосанивается:

– Я цыган.

– А волосы чего такие белые?

– Покрасились!

В этот момент главная паханка-цыганка поднимает дикий вопль:

– Чего, ирод, к ребенку пристал?! Цыган он! Мы что, только с цыганами трахаемся? Мы и с русскими трахаемся! Интернационализм! Дружба народов!

Это не легенда, а реальность – есть у цыган такой грешок, иногда подворовывают детей, когда своих не хватает. Ведь правильно воспитанный ребенок – это не только расходы на одежду и кормежку, но и добытчик, грозная боевая сила, что наглядно продемонстрировано в боях с иностранными дипломатами в Москве.

Когда весь этот безумный балаган немножко стихает, начинается обыск. Добычу мы кладем на брезент. Доллары, марки, золотые кредитки – чего только тут нет. Первый раз в жизни вижу китайские юани – целую пачку, стыренную у дипломатов из КНР. Задача у милиции простая: набрать денег для того, чтобы оплатить уже забронированный вагон до Молдавии. Денег на брезенте уже достаточно, даже с перебором. Хватит и на поезд, и на самолет, и еще на автобус.

Паханка не унимается:

– Вам что, деньги нужны?! Так вы сказали бы! Мы бы вам на Петровку их привезли! И ходить не надо!

Уже ближе к обеду мы доставляем табор в ГУВД Москвы. Там цыган фиксируют в соответствующих книгах и документах, фоткают. А вечером оккупантов запихают в вагон.

Я думал, что больше эту компашку не увижу. И сильно ошибся.

Где-то через год был в командировке в Питере, а оперативники с Литейного мне и говорят:

– Тут к нам табор приполз родом из Закарпатья. Сначала жили в палатках у железной дороги. С холодами оккупировали дачный поселок, позахватывали домики, живут там. А в Питер ездят грабить иностранцев и попрошайничать. Одна дипломатическая нота за другой. Вон, на днях президента крупнейшего французского банка «Лионский кредит» обули. Одного из руководителей правительства Словакии. Ужас какой-то.

У меня закралось подозрение, и я осторожно спрашиваю:

– Откуда они такие взялись?

– Так из Москвы. Оттуда их выселили. А у нас Собчак видный демократ. Говорит, выселять их негуманно. Вот мы к ним наезжаем временами в гости. Недавно двести кило анаши изъяли. Да поехали, сам посмотришь.

И вот приехали. Садоводческое товарищество, дома-курятники. Все дорожки засыпаны, как просом, пятидесятирублевыми монетами.

– Это они попрошайничают, в мешки монеты собирают, мешки по дороге лопаются, монеты высыпаются, – поясняет опер. – Думаю, тут на земле на строительство нового дачного поселка можно мелочи насобирать.

Дальше анекдот накаляется. На наших глазах скрюченная бабка приходит проведать свой любимый дачный домик, открывает дверь. А в доме в позе Доцента из «Джентльменов удачи» сидит на лавке полуголый цыган, перед ним на столе целое корыто с макаронами, вокруг дети и жены мечутся, ублажают его.

Бабка хватается за сердце:

– Ироды окаянные! Бандеровцы! Чего вы в моем доме делаете?

– Не боись, бабка, – важно отвечает цыган. – Скоро весна, посеем тебе все, потом уберем.

И ошарашенная бабка понимает, что они останутся здесь навсегда.

В другом домике цыганская семья сидит за столом, перед ними чуть ли не до потолка возвышается гора пятидесятирублевых монет – они их в столбики складывают.

Ну а дальше вообще начинается фантасмагория. Опер цепляет пробегающего белобрысого мелкого пацана с вопросом:

– Ты откуда тут взялся такой белобрысый?!

И тут же появляется скандальная цыганка и начинает орать, кто с кем трахается, про интернационализм и дружбу народов. И пацана, и тетку я узнаю. Глядя на нее, говорю:

– Чего ты разоряешься? Я тебя, выдру, еще по Ногинскому району помню.

Она затыкается и смотрит на меня с опаской – мол, что за хрен, который за ними везде ездит.

Вот так я начал погружаться в сказочный мир цыганской преступности.

Глава 3
Цыганский баро

Цыган мы видим с детства. Так же как и наши деды, и прадеды, и десятки поколений до этого. Этот кочевой народец, по легендам, изгнанный из Индии за аморальный образ жизни, кочует практически по всей Земле. На слуху два народа, которые тысячи лет не имели своей территории и при этом сохранили самоидентичность – это цыгане и евреи.

Так уж сложилось, что цыгане воспринимают окружающий мир как саванну – место охоты. И главное оружие у них не лук со стрелами, а богатые многовековые навыки преступного поведения.

Старая статистика, но достаточно показательная: в девяностых годах, по оценкам криминологов, цыганами в России совершалось около трех процентов преступлений. С учетом того, что большинство их деяний носит латентный, то есть скрытый характер, то, думаю, цифра гораздо серьезнее – до десяти процентов вполне дотянут.

У цыган нет единой веры, языка, у них существует множество родоплеменных групп, очень сильно отличающихся друг от друга. Но все же они остаются цыганами. И с приближением теплых времен уже не первую тысячу лет собирают свои вещички и устремляются кочевать. Обычно кочуют по нашим просторам они группами человек по сто, набиваясь в поезда всей толпой по пяти билетам. В девяностых они иногда просто оккупировали вагоны поездов. А однажды захватили автобус «Спорткомитета», взяв в заложники водителя, который и возил их по городам и весям Московской области, пока его с боем не освободила клинская милиция.

В СССР эту вольницу не раз пытались перебороть. Поскольку в нашей стране большинство цыган числилось (а многие числятся до сих пор) лицами без гражданства, в пятидесятые их стали принудительно паспортизировать и приписывать к земле. Но сдержать вольный нрав бесшабашного народа это не смогло. И цыганские таборы и при СССР, и теперь продолжают колесить по нашей стране, да и по всему миру.

Чем они зарабатывают на жизнь? Да всем. Раньше занимались спекуляцией, подделкой косметики, попрошайничеством. Гадание, кражи, мелкие надувательства. В мошенничестве они достигли какого-то даже мистического совершенства.

– Дай погадаю, молодая, красивая! Ай, вижу, со свекровью у тебя отношения плохие. Черный глаз на тебе, – долбит мошенница клювом сознание молодой девчонки с новеньким обручальным кольцом на пальце, выдернув ее из толпы в подмосковном городке жарким летом 1994 года. – Сейчас посмотрим, если иголка потемнеет, совсем все плохо.

Цыганка вытаскивает из вороха своих одежд иголку. Дает подержать девчонке, в руках которой иголка начинает чернеть. Потерпевшая забыла из курса школьной химии, что так происходит, когда металл смазывают медным купоросом.

А дальше – больше.

– Совсем плохо. Умереть можешь. В доме всю черную энергию золото впитывает. Принеси мне его – я над ним поколдую, в церкви заговорю, и тогда жить будешь и радоваться. Да не бойся, мне знаешь сколько люди золота приносили? Все возвращала обратно. Я честная.

Девушка, как пришибленная, послушно бредет домой, собирает золото на двадцать пять тысяч долларов и несет «честной цыганке» – заговаривать от сглаза.

Мой сосед по дому, получая пенсию, два раза натыкался на цыганок. Они его просто гипнотизировали и забирали пенсию. И он признавался, что ничего поделать с собой не мог, да и вообще слабо помнит произошедшее.

А крашенные в блондинок цыганки, которые под видом сотрудниц райсобеса обкрадывают пенсионеров, – сколько их бродит по нашим городам? А проверки Мосгаза, подарочные пакеты ветеранам – пока жертва смотрит, что в пакете, цыганки шарят по квартире.

Отлично они работают и по карманам в общественном транспорте. Крутится вокруг гражданина толпа цыганок и их детей, шум, гам. В этой неразберихе одна воровка кошелек у зазевавшегося господина выуживает, передает его своей подельнице, а та дальше по цепочке – уже через несколько секунд невозможно понять, у кого краденый «лопатник».

Определенные родоплеменные цыганские группы специализируются на определенных видах преступлений. Самые многочисленные – кэлдераре, большие специалисты по валютным операциям и мошенничествам. Самая замкнутая группа – плашуны, еще со времен царя-батюшки целенаправленно работали по церквям, забирая иконы, убивая священнослужителей. Самую крупную и жестокую такую банду из трех десятков цыган, за которой тянулся длинный кровавый след, прихлопнули оперативники уголовного розыска Московской и Белгородской областей еще в 1952 году. Сегодня плашуны не брезгают жестокими разбоями и наемными убийствами.

Но в последнее время традиционные виды преступного цыганского бизнеса оттесняет наркота. Цыгане будто специально созданы для наркобизнеса. У них он носит родоплеменной характер. В нем все свои, все родственники: одни выращивают или скупают наркотики, другие переправляют их из региона в регион, из республики в республику, третьи продают оптом и в розницу. Все свои. Недостатка в рабочих руках нет. Все вращается в узком кругу.

Самый отлаженный транзит в девяностые годы был с Украины, где жили шестьдесят тысяч цыган, в Россию. Конечной точкой являлся в большинстве случаев славный город Санкт-Петербург, где наркотиками торговали три крупных цыганских клана.

В начале девяностых мы отправились громить наркоторговую точку у станции Правда, что по Ярославской железной дороге. Стоит деревянный просторный дом за забором, к нему гуськом тянутся наркоманы. В двери узкое окошко, прикрытое перегородкой. Стучишься, просовываешь в окошко деньги. Тебе в ответ в руку кладут коробок с марихуаной. Кто положил – да леший его знает, а значит, к кому привязать этот наркотик – неизвестно. Ведь весь дом полон женщин, мужчин, детей. А по закону арестовывать можно всего лишь непосредственного исполнителя, того, кто наркотик в руку засунул и деньги забрал, а не всех скопом. Хотя понятно, что в этом доме в наркобизнесе участвуют все – от младенца до девяностолетнего дедушки.

Схема работы у нас была простая: оттянуть от наркоторговой точки приобретшего «дурь» торчка, задержать его, взять показания и на основании них вломиться в цыганский дом.

Одного покупателя мы сумели тормознуть в отдалении от цыганского дома, незаметно так. Потом опять выставились на машине на точку наблюдения. И вдруг рядом стали виться цыганские детишки. Из ворот со двора выехала навороченная «Волга» с противотуманными фарами, за рулем очень важный цыган, который дружески помахал нам рукой – мол, привет, милиция, и до свидания. Дети у них служат разведчиками, секут оперативников на раз. Операция сорвана. Правда, через пару месяцев оперативники эту точку все же разнесли, изъяли там мешок марихуаны и задержали толпу цыган.

Кстати, наркотики бьют и по самим цыганам. Огромное количество их сидит на игле, курит траву, деградирует.

«Работают» у цыган, как правило, женщины. Мужчины такой ерундой не заморачиваются. Они всего лишь сопровождают своих работающих теток. В лучшем случае мужчины крадут лошадей, скот и иконы с церковной утварью.

Замуж мужчины берут обычно не красивых, а работящих. По традиции перед замужеством цыганка должна уйти из семьи на некоторое время и вернуться сытая и с деньгами –

значит, умеет зарабатывать. А хорошая жена – это сытые дети, большой дом, много золота – такая надежная цыганская жизнь.

Кстати, дети с ранних лет в семье даром хлеб не едят. Помогают родителям и обучаются «ремеслу». Звонок в дверь, за дверьми стоит цыганка с какой-то очередной дикой историей, направленной на то, чтобы обокрасть пожилую хозяйку. С ней девочка лет десяти – ее мама таскает с собой не потому, что не на кого оставить. С малых лет дите обучают мошенничеству.

К противодействию государству цыгане вообще приобщаются с младенчества. Издавна, когда табор кочевал и рождался ребенок, в нескольких сельсоветах родители брали на него по отдельному свидетельству о рождении, на основании которых при достижении совершеннолетия затем делалось несколько паспортов в разных паспортных столах на разные имена. Накуролесил по одному паспорту, выбросил его и пользуешься другим.

Новая эпоха меняет их традиционный промысел. Помимо наркобизнеса цыгане осваивают самый разный криминал новой волны. Плотно работают с черными риелторами. В середине девяностых в Москве цыгане, получив щедрую оплату у жуликов, забирали выселенных из квартир старичков, селили их в своей деревне в Тверской области, присматривая за ними. Некоторые такие новоселы приживались в деревне, как бывший подполковник КГБ, который стал учить цыганских детишек грамоте. Другие – как правило, алкоголики – не вписывались в размеренную цыганскую жизнь. Тогда их душили подушками, хоронили на цыганском кладбище, сентиментально клали на могилы веночки. Недавно ГУУР МВД России задержало организованную преступную группу – теперь уже сами цыганки охмуряли одиноких старичков, женили на себе, потом переселяли из квартир в цыганскую деревню – на свежий воздух и поближе к экологически чистым продуктам.

Хотя цыгане живут с нами рядом, но они достаточно обособлены. Мы для них – иной мир. Наши законы для них не стóят в их понимании той бумаги, на которой написаны. У них свои традиции, свои органы власти. Руководят ими цыганские баро, которые для них и цари, и воинские начальники. Преступниками считаются только те, кто злоумышляют против своих. Для них есть свой суд – Крис. И система наказаний самая разная. В запаснике музея МВД приходилось видеть булаву цыганского баро – деревянная, тяжелая, со следами крови, ею он приводил в исполнение смертные приговоры. Законы у них специфические и порой на удивление гибкие. Например, цыганка под давлением милиции заложила свою подругу, и та уехала в места не столь отдаленные, сколь малонаселенные. Пока бедняжка не выйдет на свободу, виновная в ее мытарствах обязана полностью содержать ее детей – а их обычно штук по пять и более.

Государственных границ для цыган не существует. Они еще при СССР умудрялись тайными тропами шастать от нас в Европу и принимать участие в выборах цыганских родоплеменных лидеров.

Во всем мире цыгане похожи друг на друга. И занимаются примерно тем же самым – различными видами криминала. Любимая присказка всех туристических гидов во всех европейских странах:

– Будьте осторожны, здесь работают карманники-цыгане. Красятся в блондинок, так что сразу и не различите.

Это я слышал и в Праге, и в Барселоне, и вообще везде, где только побывал.

Рим. Колизей. Нашу туристическую группу гид настойчиво предупреждает, что вокруг бродят страшные цыганские воры, от которых ну никому спасения нет, поэтому держите крепче сумки и не вступайте с ними в переговоры, а лучше сразу бегите при их приближении. И она отправляет нас побродить в свободное время возле Колизея как на заклание, едва не пустив слезу.

Этих страшных цыган мы видим сразу – девчонка лет двенадцати и два пацана не больше десяти. У девчонки в руках газета, предназначенная явно не для познания новостей Евросоюза.

Видимо, нас не одних накрутили по поводу этих цыган – они идут по площади, все туристы от них испуганно шарахаются, а вокруг них пустая зона метров тридцать. Они хищно оглядываются, как вышедшие на охоту волки, и высматривают себе беззаботную жертву. И находят: вон идет крепкий молодой немец, углубленный в свои вечные сумрачные германские думы, наверное, о мировом господстве и восточных территориях. Девчонка-цыганка резво бросается к нему и показывает ему газету. Он автоматически тыкается в газету носом. Цыганка надевает газету ему на голову, и пацаны принимаются сноровисто шарить по его карманам. Немец с криками «доннерветтер» отбрасывает газету и пинками вокруг памятника архитектуры мирового значения гоняет этих цыган, испуганно причитающих и взывающих к милосердию и толерантности.

Несколько раз в Риме ко мне вязались цыгане примерно с таким же финтом – характерно, что, заслышав русский отборный мат, они растворяются мгновенно, как сахар в кипятке. Это наблюдение подтвердил мой друг, тоже любящий материть цыган в разных странах – действует безотказно.

Номер в афинском отеле. Вид на заброшенный вокзал. Подъездные пути оккупировал цыганский табор. Грязь, антисанитария, вонь жуткая. Но этих вечных странников почему-то никто не трогает, им дают загаживать территорию, попрошайничать и воровать. В Англии цыгане захватывают приглянувшиеся им дома, хозяева которых в отъезде, и английская беззубая старушка Фемида их выселить месяцами не может – такие там продвинутые законы. Вся Европа погружена в густой туман толерантности, из-за которого в упор не видит вообще никаких угроз и опасностей.

– У нас никогда не воровали. Двери открытыми оставляли. Но сейчас к нам приехали цыгане из Румынии, и мы ставим железные двери, – такое можно услышать не в одной европейской стране…

После той памятной облавы в Ногинском районе я пересекался с цыганами достаточно часто, погружаясь все глубже в эту тему. Работали мы и по наркотикам. И по шайкам, кравшим ордена у ветеранов. Однажды такие смуглые чертовки обокрали заслуженного штурмана авиации Лавского, забрав четыре ордена Красной Звезды, которые пытались сбыть за сто тысяч долларов. Потом обнесли квартиру дочери советского военачальника Фрунзе. К нашей чести, мы их взяли – в Подмосковье, в поселке, наполовину оккупированном цыганами, и изъяли все ворованное.

У нашей сотрудницы во Владимирской области дача рядом с цыганским поселком была. Как же задрали там всех цыгане – воровством, наглостью, постоянными эксцессами. Идет она на дачу, подскакивает цыганенок лет двенадцати и орет:

– Эй, тетка, пойдем в кусты, тереться будем!

Мы этот поселок периодически пролечивали, натравливая на него ОМОН. На некоторое время помогало. Так что определенный свой вклад в оздоровление оперативной обстановки мы внесли, аж вспомнить приятно.

Несколько раз писал я про цыган гневные статьи в различных СМИ. За одну угодил в международную «Белую книгу геноцида цыганского народа». Мне припомнили статью в «Огоньке», где я описал случай, когда цыганский табор поселился на территории колхоза и эти буйные выходцы из Индии вконец заворовали селян. Тогда от отчаяния председатель попросил авиаторов при опылении полей накрыть табор. И как ветром их сдуло. «Офицер милиции предлагает опылять цыган ядохимикатами», – писали про меня в этой странной «Белой книге», и непонятно, то ли гордиться этим, то ли стыдиться.

Обычно, пока нас не обкрадут, мы цыган как-то не замечаем. Но реальность такова, что рядом с нами существует отдельный мир, живущий по своим законам уже не первую тысячу лет. Это совершенная в своем роде вневременная криминальная машина успешно противостоит государственным устоям Большого Мира. Да, сегодня этот сказочный цыганский мир

меняется. Уже редко встретишь классический цыганский табор с палатками и шалашами. Они становятся более оседлыми, потому что в наше время не обязательно мошенничать за тридевять земель, когда дома можно спокойно торговать наркотиками. Но в основе ничего не меняется.

Чем-то цыгане похожи на насекомых. Известно, что человечеству не удалось вывести ни один их вид. Так и цыгане. Их казнили, выселяли со своей территории испанцы. Гитлер, считая их недоарийцами, сгонял их в лагеря смерти и уничтожал поголовно. В СССР их паспортизировали и прикрепляли к земле – в фильме «Цыган» это показано. Но они остались верны своим традициям и занимаются все тем же – крадут.

– У каждого народа свои национальные традиции, – объявил по телевизору цыганский баро, когда его соплеменников начали выселять из одной европейской страны. – У нас традиция – воровство. Ну разве можно нас за это порицать? Это противоречит принципам европейского сообщества…

У меня к цыганам двойственное отношение. С одной стороны, они, конечно, восхитительны своей бесшабашной наглостью, свободолюбием, верностью традициям, широтой полета. С другой – когда видишь потерпевших бабушек, у которых «представительницы собеса» забрали последнее, этих цыганок очень хочется пришибить.

Почему они такие? Не знаю. Давний научный спор, что определяет поведение человека – какие-то врожденные генетические свойства или всего лишь воспитание. В ГУВД Московской области сотрудница взяла из детдома девочку-цыганку. Той было меньше годика, так что всю сознательную жизнь она воспитывалась в строгой ментовской семье. А в первом классе школы девочка начала воровать…

Что с ними делать? «Как Гитлер – уничтожать!» – на нервах выдадут некоторые. И будут неправы. Человечество интересно в своем разнообразии, пусть даже и в таком гротескном, так что все твари разумные имеют право на существование. Как нам с ними уживаться? Даже мощная советская правоохранительная система не смогла с ними сделать ничего. Ответ один – не давать им разгуляться, периодически напоминая, что законы у нас не виртуальные, а реальные, так же как и тюрьмы. А для этого представителям власти нужно помнить, что цыгане – это проблема, и работать в отношении их надо планомерно и целенаправленно. А вот с этим у нас дела обстоят неважно.

Раньше была какая-то государственная политика, порой вполне успешная, по их адаптации. Были соответствующие подразделения в уголовном розыске. Помню сотрудника УР в Ярославле – двухметровый чудовищно мощный мужик. Они его вообще за своего считали, потому что он выучил их язык, знал всех цыган и держал их за горло. Помню Мишу Денисова, начальника подразделения МУРа. Он однажды отправился в цыганский поселок, и расстроенный баро водил его по улицам, тыкая в каждый второй дом:

– Смотри, тут живут дети, оставшиеся без матерей. Ты посадил их матерей. Тебе не стыдно?

В результате всех оптимизаций, реорганизаций и профанаций эти подразделения были прикрыты, так что сегодня цыгане без пристального оперативного надзора.

Необходимо добавить, что, разумеется, речь тут идет не обо всем народе, в котором есть множество достойных представителей, а о худшей, криминализированной его части…

Глава 4
Семейная честь

Люберцы, начало девяностых годов. Жили там два брата-бандита, которые достали своими подвигами весь район. Один был старый, опытный и авторитетный. А второй – еще зеленый, глупый, только начал восхождение по воровской иерархии и был там пока еще никто.

И вот молодой садится за мелкие кражи и грабежи. В камере СИЗО его фамилия не произвела должного впечатления, и на него стали конкретно наезжать. Воришка послал на волю весточку старшему брату о творящихся в каземате несправедливости и беспределе. Старшой обиделся, озаботился проблемой и принял радикальное решение – самому сесть в изолятор и разрулить ситуацию по понятиям. Как же кровинушку родную в беде оставить?

Тянуть с реализацией плана старшой не стал. Выбрал в Люберцах квартиру на сигнализации, взломал ее, собрал в мешки вещи. Открыл холодильник. А там водочка стоит, огурчики, грибочки соленые. Ну, просто пальчики оближешь. Вот и решил новую отсидку отпраздновать – когда еще водку с огурчиком придется отведать в тишине, покое и одиночестве?

Тут наряд вневедомственной охраны на сигнал приезжает. Видят мирного мужика, который откушивает за столом на кухне водочки.

Старший наряда говорит:

– С сигнализации дверь надо снимать, когда домой приходишь. Приятного аппетита!

Разворачивается и уходит.

Вор не знает, что ему делать. Берет телефонную трубку, набирает «02», блеет измененным голосом: видел наглое проникновение в квартиру по такому-то адресу. И дополнительно ябедничает: а менты были и уехали, а вор все там.

Наряд ОВО дежурный по Управлению на полдороге разворачивает обратно. Тут уж милиционеры мужественно вяжут вора на месте преступления и едут отчитываться о своем богатырском подвиге – тогда за каждое успешное задержание давали приличные премии.

Довольного старшого ведут на арест к прокурору. Тот листает материалы, внимательно читает чистосердечное признание и кивает следователю:

– А чего. Человек раскаивается, все признает. Отпускайте под подписку о невыезде.

Старшой уже не знает: как быть, как в вожделенный СИЗО попасть? Он же о многом не просит – всего лишь чтобы посадили!

Выходит он в расстроенных чувствах из отделения милиции, где ему вернули мелочь из карманов и шнурки. А там напротив стоял магазин-стекляшка, где стражи порядка затоваривались колбасой, кока-колой и еще чем покрепче. Старшой заходит туда. Выдирает из кассы ящик с деньгами и начинает распихивать купюры по карманам. Продавщица принимается отчаянно верещать. Налетчик бьет ее по голове ящиком. Из отделения на крики прибегают добры молодцы в серых мундирах. Крутят ласты нарушителю общественного спокойствия. Отписываются о задержании, надеясь на премии – как же, взяли злодея с поличным. Уже второй раз за три дня!

И вот старшой наконец торжественно въезжает в так желанный им СИЗО.

Там он быстро восстанавливает авторитет семьи. Показывает, кто в хате хозяин. А потом отправляется на несколько лет в родной дом – тюрьму.

Ну а что такого? Те же итальянские мафиози всегда говорили, что нет ничего дороже семейной чести.

Глава 5
Мозаика

1990 год. Сергиев Посад. Опытная птицефабрика. Директора чуть Кондратий не хватил, когда с утра пораньше он прибыл на работу и обнаружил, что исчезли два элитных петуха, привезенных аж с Запада на развод в порядке обмена. А стоят эти пташки каких-то полторы сотни тысяч долларов – за обоих.

Сотрудники милиции моментально поняли, что и как. Когда они заявились к ночному сторожу в покосившийся деревянный частный домишко на окраине поселка, тот чинно восседал во дворе за дощатым столом и уже доедал под рюмочку второго петуха.

– Ну а че? – вздыхал потом он горестно. – Самогончику прикупил по случаю. Закусь нужна же, товарищ милиционер? Нужна! А где взять? Чтобы на нашей фабрике, да без закуси остаться? Смешно. Прихватил я двух петухов. Да если бы знал, что они дороже пятиэтажки, я бы у соседки индюка спер! А то и двух!

* * *

Северо-Западная железная дорога. Поляк страшно был рад, что в мчащемся в ночь скором поезде так удачно умудрился всучить лоху-чеченцу пару тысяч поддельных долларов… Злой чечен тоже был рад незнамо как, что купил у поляка доллары за какие-то там поддельные рубли…

* * *

Москва. 1991 год. На улице бизнесмен должен передать вымогателю крупную сумму денег. К этой интимной сделке подключилось оперативно-розыскное бюро (так тогда назывались подразделения по борьбе с организованной преступностью) вместе со спецназом. Друг друга спецназовцы и оперативники знали плохо, знакомились на ходу. Но в итоге руководство проинструктировало всех как надо – так, во всяком случае, казалось поначалу.

И вот роковая встреча во дворе серого, с характерными московскими потеками на стенах девятиэтажного дома. Выходит опер, который должен передавать деньги от имени жертвы жестокого вымогательства. Как и положено приличному пацану, он в спорткостюме «Адидас», здоровенный такой, рожа бандитская, ну а еще страстный поклонник Пушкина, ибо «златая цепь на дубе том». Появляется вымогатель – мелкий, интеллигентный, хорошо одетый и в очках.

Передача денег прошла. Руководитель операции дает команду на задержание.

Вопрос – на кого по команде «фас» кинутся дрессированные спецназовцы? В общем, похожего на бандита оперативника заваливают на землю. А тут еще подливает масла в огонь спецназовский рык:

– Да у него, суки, ствол за поясом!

И оперативника начинают конкретно колотить за незаконное ношение оружия.

А похожий на интеллигента бандит скромненько, тихонько, бочком пробирается к арке дома, откуда веет сладостным воздухом свободы. И уже совсем было ушел в этой неразберихе, но тут на него обратил внимание кто-то из оперов и прыгнул как атакующая обезьяна, вдавливая всем весом в асфальт…

* * *

Люберцы, 1994 год. На пустыре лежит труп парня спортивного телосложения. Прям как на мясокомбинате над ним поработали – многочисленные жуткие колото-резаные раны. Кто, что, почему устроил эту разделку туши – непонятно. И главное – что за орудие убийства такое?

Пока суд да дело, в больничке обнаруживается еще живой молодой человек с аналогичными ранами. Когда тот обрел возможность связно изъясняться, на него насели оперативники и вынудили к откровенности.

Выяснилось, что эти странные ребята – два казака. Между ними возникли какие-то смертельные обиды. В результате слово за слово – и дуэль. На казацких шашках. Как деды завещали!

* * *

Те же Люберцы. Примерно то же время. Бдительные жильцы многоэтажного дома обнаружили, что их сосед – одинокий мужчина из тридцать девятой квартиры – давно не выходит на свет Божий. Дернули за ручку – дверь не заперта.

Следственно-оперативная группа нашла в двухкомнатной квартире труп хозяина. Как позже известный беглый российский олигарх, мужчина был удавлен шарфиком. Кто удавил, за что – не поймешь. Пострадавший бизнесмен – из мелких, никакой мафии ни за каким бесом не сдался, врагов и друзей не имеет.

Как раскрывать? По науке начинается тщательнейший осмотр места происшествия. И вдруг следователь видит хорошо замаскированный стеклянный зрачок. Выясняется, что в спальной комнате установлена скрытая видеокамера (редкость по тем временам, притом очень дорогостоящая), внимательный глаз, которой видит все, что происходит, да еще и записывает на магнитную ленту.

Тут же на месте с помощью видеомагнитофона сотрудники милиции просмотрели последнюю запись. И о боже ж мой! Ну что за печальная картина! Получалось, бедолага пригласил к себе фактурную такую шлюху. Вместо того чтобы предаться с ней стандартным греховным усладам, начал канючить:

– Ну, души меня, души!

Она и придавила чуть сильнее, чем надо было для истинного удовлетворения страждущей души. Он закатил глаза и отключился. Она давай хлестать его по щекам:

– Вставай, сволочь!

Но метаться было поздно – душа уже оставила бренную оболочку.

Девочка по вызову собрала манатки и усвистала в неизвестном направлении.

В квартире хранилась целая видеотека – там таких записей со шлюхами были десятки. Но те девочки как-то не сподобились додушить хозяина берлоги.

Раскрыли дело быстро. Выяснилось, что жриц любви бедолага находил на трех вокзалах. А там заместителем по розыску территориального отделения служил Аджанов, старый армянин, у которого было два хобби – коллекционирование мультфильмов и создание картотеки на шлюх. Про мультфильмы не знаю, но досье на жриц любви он насобирал три с половиной тысячи, и все с фотографиями и описаниями пристрастий, адресами, связями. По картотеке и вычислили девоньку. Убийство было признано неосторожным, срок последовал условный.

Только следователь потом устал по инстанциям ходить. Вдруг всем: и судьям, и прокурорам, и всякому разному руководству – потребовалось безотлагательно ознакомиться с вещественными доказательствами – видеозаписями.

* * *

Московская область. 1990 год. Кражный отдел областного уголовного розыска с поличным берет квартирного вора – в возрасте уже такого, матерого, татуированного. Видно по нему, что немало хат он подломил после последней отсидки, но, собака такая вредная, не признается.

Оперативники установили его хату, где он хоронился последние годы, и опергруппа отправилась с обыском. А там – огромный попугай какаду в клетке и десятки аудиозаписей в коробках. Стали аудиозаписи прослушивать, а на них ворюга повествует, когда, как и какие преступления совершил, притом драматично, со вкусом и расстановкой – такой талант литературный пропал!

Оказалось, ошалев от неприкаянности и одиночества, он купил себе попугая. И после каждого удачного квартирного дельца садился за стол, наливал рюмочку беленькой и исповедовался перед пернатым заморским другом, как ему было страшно и как он преодолевал себя, чтобы взять ту проклятую хату. При этом по каким-то загадочным и не доступным рядовому обывательскому разуму соображениям писал это все на магнитофон.

* * *

– Точно этот адрес? – спросил спецназовец, примеривая в руках огромную кувалду, которую ласково называют в этой среде ключом.

– Да точно, – махнул рукой опер из восьмого – по наркотикам – отдела МУРа. – Там чеченцы. Привезли груз героина. Ждут покупателей. Ломай!

Хрясь, бах – дверь вылетает. Три часа ночи. Спецназовцы в квартире. Там визги, писки. Стук роняемых тел.

Время было суровое – 1994 год. С преступным элементом при задержаниях не церемонились.

Захожу в квартиру. В стандартной двушке, по советской традиции с чешской стенкой и креслами с деревянными подлокотниками, на полу двое в наручниках изучают палас, уткнувшись в него лицами. Ну что скажешь – этот упитанный мужик в семейных трусах и женщина в ситцевой ночнушке явно не чеченского вида.

– Ошиблись чуток, – блеет жалобно нарко-опер, пытаясь провалиться сквозь пол сам, пока его туда не загнали той же кувалдой.

Вдруг снизу крики, шум, гам, тарарам. Спускаемся. Видим сцену из блокбастера: на лестничной площадке в позе Гурона стоит мелкий опер, целясь из пистолета Стечкина – такие взять в муровской оружейке считалось высшим форсом, правда, брали немногие, очень уж машинка увесистая. В коридоре вдоль стеночки, подняв руки вверх, дисциплинированно стоят трое чеченцев и дружно боятся, что их сейчас застрелят.

Выяснилось, что они жили этажом ниже. А когда начался шум, вышли полюбопытствовать, кто это так орет.

Наркоты, правда, у них мы не нашли. Зато обнаружили обрез и милицейскую фуражку. Дети северокавказских гор подрабатывали разбоями на дорогах в свободное от наркотранзита время…

Глава 6
Бандит в России больше, чем бандит

Жахнуло на улице так, что мой гостиничный номер тряхнуло, и тут же сработала сигнализация на припаркованных около гостиницы машинах. Продолжения не последовало. Грохот очень напоминал взрыв, но это же не повод для бессонной ночи.

Утром, в УВД Калининградской области, я узнал, что под окнами гостиницы, где проживала комиссия МВД России, а также собранная со всей страны опергруппа по проведению операции «Шторм» с целью борьбы с организованной преступностью в регионе, выстрелом из гранатомета убили человека. Попали точно в голову – говорят, ее оторвало, и она летела с десяток метров. Это был очередное китайское предупреждение местному преступному авторитету. За несколько месяцев до этого он взял у ростовской братвы приличную сумму в качестве предоплаты за партию ворованных «Мерседесов», но вот незадача – машины изъяли, а деньги уже в обороте. Братва прилетела на разбор, бандит с испуга пожаловался в РУБОП, после чего СОБР разложил ростовских гостей прямо на взлетной полосе – встретили честь по чести, пересчитали ребра хорошенько, за неимением доказательств выпустили. Ребятишки на прощание сказали авторитету: у нас так дела не делаются, ждите ответа. После этого неустановленные киллеры стали потихоньку прореживать окружение авторитета. Самого его жалели – ему еще предстояло расплатиться с долгами. И вот под гранатометный выстрел попал охранник его особняка – прапорщик-пограничник, который, чтобы прокормить семью, был вынужден стоять на воротах.

– Давай расклад, будем работать, – в очередной раз сказал бандиту, находящемуся в состоянии жуткой депрессии, замначальника областного розыска Таранов.

– Да толку-то с вас, – отмахнулся бандит. – Сам разберусь.

– Ну, разбирайся…

Конец девяностых. Калининградский регион – самый западный в нашей стране – предстал в ту командировку перед нами настоящим Диким Западом. Там в самом разгаре были сигаретные войны: бандиты делили квоты на ввоз сигарет в Россию, получивший это право в нагрузку приобретал возможность для практически безграничного ввоза контрабандного табака в Россию с трехсотпроцентной прибылью. За этот лакомый кусок отчаянно и кроваво бились несколько группировок. Милиция только и успевала собирать на улицах трупы. Взлетали на воздух сигаретные магазины. Расстреливали на улицах средь бела дня людей. Главный городской бандюган купил себе бронированный лимузин – при этом сам почувствовал себя лохом. Лимузин оказался не изначально бронированным, а лишь кустарно обшитым бронированными листами, в результате чего ездил плохо, но спас своего хозяина от взрыва и автоматной очереди. На разборки в город толпами приезжали москвичи, интересуясь, как это их законного представителя в городе грохнули в разборке? Среди москвичей были даже действующие бойцы «Альфы», объявившие: «Мы тут порядок наведем, все ответят!» Не навели. Не их земля.

Выиграл тендер, к всеобщему удивлению, Военторг, чей начальник являлся правой рукой того «бронированного» авторитета, его добрым подельником. Военторговца братва именовала уважительно – полковником в законе, что соответствовало его воинскому званию.

Помню, задержал розыск тогда бригадира киллеров-табачников – здоровенного, как бык, двухметрового детину с наивными глазами, жутко интеллигентного. Засекли оперативники, как он прятал в гараже прикупленный по случаю для разборок мешок с чешскими пистолетами-пулеметами «Скорпион».

Еще одна серьезная банда оседлала трассу, по которой из Германии гнали немецкие тачки на продажу – скромно собирала по двести-триста баксов с каждой машины. «Синяки» – ранее судимая братва – тоже были при деле, кого-то рэкетировали, какие-то вопросы утрясали. Но тогда они были озабочены неожиданной проблемой – смотрящий за зоной присвоил себе весь «грев», присылаемый с воли, и по освобождении был выдернут на суд общественности. Как рассказывал один авторитетный ворюга:

– Собрались на толковище. Мы ему и говорим: «А чай, а продукты – все себе в кишку пускал? А деньги – все себе?» Он на колени: «Простите, братва». А братва ему: «Мерзавец, мерзавец…»

В общем, царил привычный криминальный беспредел. Бандатва рулила, превращая запущенный, мокрый балтийский город с монументальными немецкими фортами и старинными особняками в некое поле бесконечной битвы…

Бандиты. Будучи в командировках, я объездил почти всю Россию. И везде были они. Отмороженные, живущие по законам или понятиям, сгруппировавшиеся по национальному признаку, по воровской масти, по участию в спортивных секциях или по службе в ВДВ. В глазах рябило от карточек в картотеках с их рожами – гнусно-криминальными, скучно-обыденными или невинно-ангельскими. Сперва даже пробирал холодок от справок с описаниями их кровавых деяний, но потом привык. Вся страна в девяностые привыкла к кровавому беспределу. Имя им было легион. Целые армии на территории всей России занималась войной друг с другом, государством и его гражданами.

На Кавказе абрек – уважаемый человек, опора семьи. В Бразилии бандитосы – это свои ребята, из народа, несущие эдакий протест против нищеты и социальной несправедливости. В России бандитизм – это чума. Бациллы ее дремлют десятилетиями и обрушиваются на страну, когда та слабеет, выкашивая массы народа, пожирая тела и души.

Очередная эпидемия бандитизма началась с перестройки. Часть населения тогда перестроилась быстро, осознав, куда ветер дует и что отныне главное – это деньги.

В США мафия появилась в результате сухого закона. Наша возникла благодаря «Закону о кооперации» и «О предприятии». В общество хлынули шальные наличные деньги, которые раньше вращались в безнале. Учитывая, что с самого начала вся кооперативная деятельность была в основном цепью махинаций и нарушений закона, уголовники посчитали себя вправе объявить кооператорам: «Вы же сами нарушаете закон, вы барыги, а барыга обязан с вором делиться». Рынки, кооперативы стали стремительно облагаться данью. Также для консолидации первых бандитских сообществ неоценима роль горбачевского сухого закона. Некоторые банды выросли из мелкоуголовных шаек, обеспечивавших существование подпольного водочного и самогонного бизнеса.

С середины восьмидесятых годов, когда начали исчезать с полок продукты и товары первой необходимости, всерьез замаячил призрак голода, пышным цветом начали цвести все прелести двигавшегося к капитализму общества: вымогательство, рэкет, разделы сфер влияния. Бандиты заявили о себе чуть ли не в открытую, как социальное и культурное явление. Спорткостюмы «Адидас», золотые цепи на бычьих шеях, машины – тогда еще вазовские «шестерки» – все это было свидетельством бандитской крутости и нереального богатства.

Общество тогда еще не было готово ко всеобщему мочилову, поэтому бандитские разборки были в основном на уровне мордобоя – толпа на толпу. При таком раскладе, естественно, стали особым спросом пользоваться мышцы профессиональных и непрофессиональных спортсменов. Они и составляли основную боевую силищу растущих как на дрожжах группировок. И однажды начали брать там верх, оттесняя профессиональных уголовников, вечных сидельцев и прочих туберкулезников. Сила, мощь, напор и волевая упертость профессиональных спортсменов как нельзя лучше легли на нелегкую профессию бандита…

Милое патриархальное время продлилось недолго. Уже в 1990 году я услышал от одного идущего в карьерную гору братана золотую фразу:

– Нынче в нашем бизнесе бокс не в чести. Сейчас больше ценится спортивная стрельба.

Мне тогда это показалось больше понтами – какая стрельба в СССР? Но он был прав: бурно растущий бандитизм начал кровавую бойню на просторах страны с использованием всех видов стрелкового оружия. Стенка на стенку уже не прокатывало. «Бог создал людей слабых и сильных, а Кольт сделал их равными». Когда пала советская власть, начался такой дикий, необузданный бесстыдный дележ государственной собственности, что без пулеметов с бесконечным боекомплектом и не разберешься. Тут братве подфартило – пошли горячие точки, распад Союза, были разграблены военные склады, и хлынуло в огромных количествах оружие. Ведь в стране на случай мировой войны стволов должно было хватить на каждого гражданина…

1992 год. Гостиница «Спорт» – ее делят две московские бригады. Стрелку забивают прямо перед объектом дележа, на автостоянке. С нашего пункта наблюдения видно, как съезжаются бандитские «Жигули», потом появляются иномарки – это приехали боссы, ответственные за переговорный процесс. Молодой парень в ярко-синем пиджаке вышагивает гордо, как павлин, к нему подкатывает нацмен. Начинаются терки – кто право на гостиницу имеет.

Инициатор операции дает команду «фас» – и вот рядом с братвой резко тормозит спецназовский фургон. Бойцы сноровисто и быстро укладывают мордой в асфальт с десяток участников диспута, и те получают время поразмыслить о своей пропащей жизни, хлюпая разбитыми носами. У главного за поясом «Глок» – крутой пистолет, такой я увидел тогда в первый раз, он свидетельствует о высоком положении клиента.

Уходит на всех парах по улице еще один бандитский «ВАЗ-2106». Через несколько кварталов его подсекает спецназовская машина. За поясами у извлеченных из салона клиентов сзади по бандитской традиции заткнуты «желтые», то есть китайского производства, «ТТ» – машинки дешевые, одноразовые. В стороне находим еще один «жигуль» – первой модели, старый и ржавый, чтобы внимания не обратили. Это так называемая «оружейная тачка», то есть самая невзрачная машина, где на стрелках хранятся стволы, которые расхватываются братвой при опасности боестолкновения. В багажнике целый арсенал…

Окраина Москвы, кинотеатр. Туда ожидается наплыв народа, но не на новый фильм – за зданием обозначена стрелка, бригады делят какой-то рынок. Информацию о грядущем побоище получил МУР. Расположившись в желтом автобусе «ПАЗ» с занавешенными стеклами, ждем событий. Бойцы ОМСН в бронниках, камуфляже, все в азартном напряжении в предвкушении команды «вперед».

Средь бела дня одна за другой проходят в сторону кинотеатра машины, набитые быками с характерными мясистыми загривками. Судя по всему, «концерт» грозит собрать не меньше сотни исполнителей, а то и двух. Договориться бандиты между собой не договорятся, значит, будет грандиозное побоище.

– Берем белый «жигуль»! – звучит по рации команда начальника отдела МУРа.

Автобус срывается с места, проезжает по тротуару, распугивая прохожих, тормозит около наполненной быками тачки. Секунды – и братва уже полирует мордами потрескавшийся асфальт. За поясом у одного пистолет, другие чистые – потом оперативникам удалось взять и «оружейную тачку».

Для милиции 1992 года это мероприятие – скучная обыденность. Редкий день в Москве обходился без таких выездов. Идет дележ капиталов, бойня. Грохочут взрывы и автоматные очереди. Война идет по всей Руси-матушке…

Если смотреть правде в глаза, то с середины восьмидесятых и до начала двухтысячных Россия пережила крупномасштабную гражданскую войну. По уровню потерь она вполне сопоставима с прошлой Гражданской войной. Миллионы людей, погибших от паленой водки и нар-

котиков, перевешавшихся от безысходности, отсутствия медицинской помощи, – все это ее жертвы. И бездыханные тела, оставшиеся после многочисленных разборок: и бандиты, и бизнесмены, и случайно подвернувшиеся люди – это тоже жертвы гражданской войны. Она была необъявленная, непризнанная, мерзко и подленько утаиваемая или теоретически обоснованная – мол, все так и должно быть. Даже название ей подобрали бесстыдные либеральные щелкоперы: «первоначальное накопление капитала». Но это была именно война.

Если в 1918 году война шла за торжество труда над капиталом, чтобы из рабов стать свободными людьми, то война девяностых – это борьба русского народа за право надеть на себя хомут олигархии, стать рабами на своей земле, за право кучки мерзавцев разворовать все то, что накоплено тяжелейшим трудом наших предков, за яхты, виллы воров, за вывоз за рубеж национальных богатств. Такие светлые цели преследовали те, кто бились и клали жизни на этой войне.

Армиями в этой войне были бесчисленные банд- формирования. Мародеры под шумок присваивали заводы и пароходы. Имелся и иностранный оккупационный корпус: американские и английские посольства, некоммерческие организации, фонды, толпы зарубежных советников – ну чем не интервенты, растаскивавшие по кускам бывшую сверхдержаву? Жуткая разруха. Отчаявшееся, деморализованное, голодное, как и положено в войну, население. Наши люди сами вызвали джинна из бутылки, сдав свою страну, и гибли во имя нового мирового порядка. Тогда все пропахло кровью…

Ярославль. 1999 год. Очередная командировка. Запомнился разговор с начальником антикварного отдела областного розыска, лично умудрившегося пресечь деятельность нескольких наиболее отпетых и кровавых банд.

– Ну, этим гаврикам мы полсотни убийств доказали, – похвастался подполковник, выкладывая фотографии мерзких рож на стол.

– Ничего себе, – присвистнул я.

– Да что ты! Для банды это немного. Бывало и поболе.

Та отмороженная бригада облюбовала болота под Ярославлем, где никто не бывает. Закапывали там трупы, и, чтобы их не нашли, сверху жгли костры. Трупы оказывались запеченными, словно в керамическом сосуде.

– Человек один, вроде из авторитетной братвы, приехал к нам с портфелем, там миллион долларов был, – вещал киллер, выведя следственную группу на место захоронения. – Не знаю, что там у него с нашими вышло. Но мы его грохнули. Миллион забрали. А его тут прикопали.

Собровцы никак не могли пробить спекшуюся почву. Окопали в результате по краям – получился такой шар. Собровец ударил по нему кувалдой, и тот как кувшин глиняный распался. А внутри труп… Сколько там похоронено народу в этих болотах – страшно представить.

Делили бандиты всё: заводы, рынки. На Ярославском пивном заводе одного за другим убивали назначаемых директоров. До тех пор, пока в директорское кресло братва не посадила своего, для которого расчищала место такими радикальными мерами.

Эх, добрые девяностые, светлая ностальгия либералов…

Смотришь сводки тех лет по Москве – и просто оторопь берет. «Расстрелян у своей машины бизнесмен» – новость, даже не достойная попасть в газетную рубрику мелких происшествий, так, обыденность. Бандитская разборка прямо под окнами Петровки, 38, – один авторитет назначил стрелку заезжим конкурентам, наивно рассчитывая, что под окнами ГУВД они стрелять постесняются. Не постеснялись – убили его… Театр Советской Армии в центре Москвы, средь белого дня очередная кровавая разборка на глазах у толпы москвичей, гора трупов.

Бандиты убивали, убивали, убивали. Своих, чужих, посторонних – кого угодно. Следак задерживает на трое суток отловленного угрозыском киллера. Убивец всучивает следователю взятку, и эта продажная шкура его отпускает. А чего такого? Ну, убил, бывает. Но пацан-то

хороший. Подельник киллера решает, что тот его заложил, поэтому отпущен на свободу, и во гневе расстреливает кореша у его подъезда. Конвейер смерти работает методично, без сантиментов, не щадя никого.

В 1992 году в Москве прогремело более 250 криминальных взрывов. Бизнесмену подложили в машину гранату – труп. Для другого бизнесмена рядом с подъездом в пакете из молока подложили радиоуправляемую бомбу, которую взяла семилетняя девочка и взорвалась, – труп. Ну что же, кто считает потери среди мирного населения в разгар гражданской войны? Не повезло – попали под обстрел…

Калининград. Укромное место, где собирается братва, кормящаяся с трассы. То, что происходит, раньше называлось товарищеским судом. Один из молодых братков в малиновом пиджаке и с цепью на груди уличен в употреблении наркотиков. Наркоманов в бригадах не терпят – это слабое звено, при ломке за дозу он сдаст всю малину. Бригадир – огромный и добродушный мужик, были и такие – выносит вердикт: изгнать. С парня сдирают атрибуты бандитского ремесла – малиновый пиджак, цепочку златую. Забирают ключи от «служебной тачки». Все, изгнан. Ему еще повезло, что в шайке нравы демократичные. В московских безжалостных бригадах за это сразу закапывают в землю. А не фиг пить, курить и языком трепать. Ты же в команде!

Команда, бригада, группировка. Этот магнит тянул к себе сотни тысяч молодых парней. Притом парней не худших. Спортсменов, просто здоровяков, людей, которые стремились вырваться из заколдованного круга нищеты, видя, как родители, проработавшие на заводе всю жизнь, теперь голодают – их завод приватизирован и продан за три копейки через подставных лиц американцам, которые угробили производство, чтобы избавиться от конкурентов. И эти ребята приходили в бригады. Самое смешное, что многие родители даже радовались: мальчонка-то совсем другим стал, не пьет, не курит, не ругается. Прям золотой мальчик… Вот только приходили эти мальчики на роль торпед. А у торпеды одна задача – при необходимости выйти на цель и уничтожить врага, взорвавшись самой. Сдохнуть во благо пахана. На более квалифицированные работы брали военных. Армия распадалась, дикие сокращения, невыплаты зарплат, вывод войск в чистое поле из Германии, отсутствие жилья и средств к существованию. Кому ты нужен, офицерик? Ну, разве только родной мафии – там тебя оценят по талантам и достоинству. Множество людей, обладающих организационными навыками, умеющих стрелять, крепких физически и привыкших выполнять любые приказы, заключали договор с чертом.

В Рязани действовала бригада «слонов» – ее ядром явились рязанские десантники, притом проблемы они решали по-десантному прямолинейно и радикально. Однажды одномоментно наколотили вглухую полтора десятка конкурентов. А в войне за завод «ВАЗ» перебили в общей сложности, говорят, две сотни человек.

Бывшие десантники-афганцы с опытом боевых действий тоже примыкали к бригадам. Или сами организовывали криминальный бизнес, что привело к разборкам вокруг фонда инвалидов войны в Афганистане и взрыву на Котляковском кладбище, где погибло четырнадцать ветеранов. Спецназовцы с навыками минирования тоже пришлись к месту. Всем таким специалистам нашлась работа в бандитских рядах.

Потянулись в банды и милиционеры, оперативники, сотрудники спецслужб со своими специфическими навыками и осведомленностью о методах оперативно-розыскной деятельности. Притом это были не худшие специалисты, часто в новом качестве переигрывавшие своих бывших коллег. Помню широкомасштабную операцию МВД России против солнцевских, о которой знало всего несколько человек. Пока в МВД готовили и утверждали план операции, солнцевские, получив об этом информацию, готовили контрплан. В результате бандиты кинули на заклание несколько никчемных фигур и остались при своих.

И что мы имеем в сухом остатке? Криминальные войны выбили целое поколение не худших русских ребят. Они погибли в разборках. Сгинули в тюрьмах. Превратились в зверей. Это те, кто раньше работал бы на заводах, служил в армии, защищал Родину. Наиболее активные, сильные – российский капитализм с нечеловеческим лицом показал им кривые дороги, и они не нашли в себе сил отказаться…

Владивосток. Казавшаяся раньше монолитной банда погрязла во внутренних разборках и раскололась на две части. Раскольников под стволами привели в гараж, закрыли там в яме и пустили газ из работающего двигателя. Семь человек задохнулось насмерть в душегубке, сработанной по фашистским лекалам. Нормальный производственный момент. Болезнь роста в бригаде.

Все более-менее приличные банды проходили через эти этапы роста и взросления. Сперва клятвы верности, иногда с ритуальным пусканием крови из вены – мол, теперь мы кровные братья, мы бригада! Потом захват территорий, битва с другими командами, обрушившийся денежный водопад. А затем недовольство дележом прибылей – мол, ты больше берешь, а работаешь меньше, борьба за власть, создание фракций и заговоры. После чего в лучшем случае – раскол на пару шаек. Но чаще – просто истребление конкурентов. Бывшие кореша глушили друг друга тысячами. Ликвидировали киллеров после выполнения нескольких заказов. Дрались как голодные бешеные крысы, поедая друг друга.

Если провести аналогию, все эти криминальные дела больше всего напоминают войны периода феодальной раздробленности. Банды – не что иное, как феодальные государства, озабоченные захватом земель и крепостных – то есть рынков, фирм, бизнесменов. Они и жили по законам феодализма: с вассальными клятвами, раздачей милостей и «земель». Там был свой бюджет – общак. Свой суд, контрразведка. Даже дипломатические ведомства, ответственные за дружественные отношения с близкими и разруливающие по возможности конфликты с дальними.

В девяностые годы они росли как на дрожжах, вооружались и крепли, стремительно богатели, скупали недвижимость на Кипре, в Греции и Испании. «Бандит» – становилось довольно распространенной специальностью.

Один пахан говорил знакомому оперу:

– Слушай, столько народу сейчас у меня работает. Бóльшую часть даже в лицо не знаю, через бригадиров общаюсь.

Вовсю шли чисто феодальные войны, внутренняя борьба за власть с сопутствующими интригами, предательствами, подставами, ядами и кинжалами в спину. Как истинные феодалы, паханы держали свою братву клятвами и деньгами, но больше страхом. Будет твое окружение бояться тебя до трясучки – будет порядок. А страх приходит только через кровь – тут всякие хитрые психологические этюды не катят. Надо проще быть – время от времени убивать. Притом убивать своих!

Члены одной московской авторитетной бригады вспоминают, что их просто колотило, когда пахан созывал сходняк, проходивший обычно в лесополосе под Москвой. Каждое такое «производственное совещание» означало, что одного-двух бойцов тут же и прикопают в назидание другим. Вот и смотрели с опаской друг на друга – кому сегодня по приказу свыше быть жертвой, а кому убийцей. Стреляли за предательство, за ненадлежащее выполнение обязанностей, за долги. Но когда этих поводов стало не хватать, то убивать стали за косой взгляд, за то, что отлынивали от футбольных матчей, практиковавшихся в бригаде. Да просто так, для наглядности.

Такое творилось в большинстве банд. Многие авторитеты убивали по необходимости, для поддержания дисциплины и больше за дело. Другим же просто начинало нравиться вершить суд. Они, как вампиры, подпитывались от этого темной энергией. Они впадали в экстаз, щелчком пальца лишая людей жизни. Это как наркотик, с которого не слезешь, – безраздель-

ная власть над жизнью человека и ощущение полной безнаказанности. Такой власти не было даже у средневековых феодалов, над которыми довлели традиции, церковь, понятие греха. Над этими же тварями не довлело ничего. И они превращались в бешеных псов.

Один известный политик, ныне проживающий в уютном государственном помещении пожизненно, сначала решал с помощью своей киллерской бригады политические и коммерческие вопросы, а потом просто составлял списки тех, кто ему не нравится, ну ликом не вышел.

Все эти тяготы и лишения бандитской службы отлично описал в своих изданных недавно мемуарах главный медведковский киллер Шерстобитов, известный как Леша Солдат.

По историческим законам феодальная раздробленность обязана закончиться формированием централизованного государства. Слава те господи, мы до этого не дошли, и всероссийского паханата не появилось, хотя попытки такие были.

Наверное, если бы дезинтеграция страны продолжилась бы такими темпами, то сегодня на ее обломках правили бы эти самые бандиты, назвавшиеся графьями и князьями, а также всенародно избранными президентами улицы Моховая и Садовая, и народ их почитал бы как законные власти…

Глава 7
Понятия или законы?

– Открой, – позвонив в дверь квартиры на пятом этаже панельного дома, требует оперативник шестого отдела Московского угрозыска.

– А ты кто? – доносится из-за двери недовольный голос с грузинским акцентом.

– Володя.

– Я тебя не знаю.

– Ты чего, боишься?

– Я боюсь? – горячий кавказский парень распахивает дверь, тут же получает боксерский удар в лоб и улетает в комнату. Оперативник врывается в помещение, за ним – второй. Они умело укладывают на пол второго бандита. Я захожу в прихожую следом. Тут распахивается дверь ванной, оттуда появляется худой тщедушный кавказец с пистолетом Макарова, ствол смотрит в живот мне, корреспонденту милицейского журнала. Я с олимпийской грацией и быстротой оказываюсь на лестничной площадке, переводя дыхание.

Оперативник в квартире, узрев ситуацию, бьет ногой по двери, и бандита вносит в ванную.

Присев на колено и вытащив пистолет Стечкина, начальник 6-го отдела МУРа Ваничкин (ныне замминистра внутренних дел) орет:

– Выходи с поднятыми руками или стреляю! Считаю до трех! Раз! Два!

Дверь ванной распахивается. В дверном проеме, подняв руки, угрюмо возникает вор в законе Кэмо. Типичный представитель этой социальной группы: грудь впалая, хилый, но в глазах пляшет лютая злоба, подернутая наркотическим туманом.

Это был 1992 год, и Кэмо прославился как руководитель «Белого орла» – организации уголовников, по заданию грузинского правительства терроризировавшей мирное население во время боевых действий в Абхазии. Говорят, его бравые ребята весело и с песней погружали пленных на баржи и топили в Черном море.

Обыск. Кэмо лежит в наручниках на полу в прихожей. В большой комнате лежат два его подельника. По квартире мечется воровская жена, скандально причитая в наш адрес:

– Они работают! Это называется, они работают!

При этом покачивает на руках грудного ребенка, потом визгливо кричит на оперативника:

– Ему детское питание надо! Дай, вон в серванте!

Обескураженный опер кивает, лезет в сервант и протягивает ей полуторалитровую бутылку из-под «пепси-колы», наполненную бурой опийной настойкой. Тетка вскрикивает, убегает в другую комнату:

– Они, видите ли, работают!

Озадаченный опер лезет в сервант и видит там шприцы, в которые уже залит опий из этой самой пепсикольной бутылки.

Восьмилетний сынок бандита хлюпает носом и кивает на оперативника:

– А почему вон у него автомат есть, а моему папе нельзя?!

– Он милиционер, – отвечаю я.

– А у моего папы все равно есть автомат, – гордо объявляет пацан и получает увесистую оплеуху от своей более взрослой и уже знающей толк в жизни сестры.

Между тем оперативники, суровые ребята, пришедшие в 6-й отдел из ОМСН, проводят в коридоре с Кэмо профилактическую работу, объясняя, что в милицию стрелять не надо.

После воспитательной, по-пролетарски тяжелой оплеухи вор выгибается дугой, его начинает колотить мелкая дрожь, изо рта идет пена.

Его жена визжит:

– Не бейте его! У него от следствия два раза голова пробита!

Ну да. В середине восьмидесятых, когда грузинские воры достали уже всех, из ЦК КПСС в республику спустили указивку – безобразия перебороть. Грузинская милиция взялась за дело с энтузиазмом. Кого из воров смогли – задержали, от щедрот душевных отсыпав им в карманы наркоту или подарив ржавые пистолеты. При этом колотили нещадно – мол, нечего вам здесь делать, СССР большой. Своей цели грузинские правоохранители достигли: основная масса воров свалила в Россию, где устроились вполне комфортно, особенно в условиях кооперативов и сухого закона. Здесь уютно пребывают они и до сих пор…

Воры и бандиты. Почему-то считается, что это одно и то же – мол, все преступники. На самом деле различия принципиальные. Воры всегда были маргиналами, законченными эгоистами, создавшими свою субкультуру, правила поведения. Основная их сила в том, что по старой гулаговской традиции они держат масть в тюрьмах. Тюрьма их дом – свобода как командировка. Вор – это жучара, ищущий что урвать. Бандиты – по складу своему ближе к воинскому сословию, у которого есть боевая задача захватить территории врага, взять пленных и добычу.

Между ворами и бандитами отношения складывались по-всякому. После принятия Закона о кооперации профессиональные уголовники занялись рэкетом, благо еще при СССР наработали методики, облагая данью цеховиков и карточных шулеров. Но постепенно верх стали брать люди другого плана. Спортсмены, закаленные физически и морально жестокими тренировками, готовые биться насмерть. Военные и бывшие спецслужбисты стали выстраивать из банд настоящие силовые структуры, а не привычные уголовникам шайки. «Комсомольцы» – так сперва презрительно называли воры бандитов. Но тональность постепенно менялась, когда бандиты все больше становились обособленной мощной силой.

1991 год. Смотрящий за Дагестаном вор в законе решил устроить разбор с бандитами-бизнесменами – мол, занимаются преступным промыслом, в общак не платят, от рук отбились. Назначили стрелку рядом с Махачкалой прямо у трассы. Туда приехала расслабленная братва на стареньких «Жигулях» – минута в минуту, как положено по правилам хорошего тона. Опоздал – это как признал вину. Раньше приехал – будто заискиваешь перед противником. Бандиты немного опоздали – их эти тонкости воровского этикета нисколько не волновали. Они были в бронежилетах, с автоматами. Положили воров на землю, и главный бандюга и бизнесмен, он же чемпион СССР по вольной борьбе, личность в республике легендарная, заявил:

– Воры – так воруйте, а в наши дела не лезьте! В следующий раз всех зароем!

Братва все поняла правильно, в бизнес больше не лезла, а переключилась на вымогалова, связанные с кражами машин.

Вообще на Северном Кавказе к ворам отношение больше снисходительное. Там рулят родоплеменные отношения и традиции. У чеченцев был единственный вор в законе Султан, который честно пытался по понятиям разруливать конфликты в Москве с местными группировками, но в начале девяностых его быстро грохнули. Так разборы по понятиям и воровским законам между русскими и горцами закончились, и чеченские бандиты объявили, что Москва – их город, а кто не согласен – всем секир-башка. И стали успешно захватывать самые богатые пастбища в столице. Действовали нагло и часто просто подло. Если русские бандиты в основной своей массе, кроме конченых отморозков, брали с коммерса четверть прибыли и не покушались на право собственности, то горцы сразу требовали половину, потом рассаживали в фирме своих родственников, в результате она переходила им. И хорошо, если хозяину удавалось выжить. Поэтому дел с ними иметь никто из бизнесменов не хотел, но они приходили сами – со стволами и паяльниками и дико вытаращенными глазами снежного человека.

У чеченцев и прочих горцев были очень серьезные преимущества в войне: родоплеменная сплоченность и базирование за пределами места преступной деятельности. Конкурента расстрелял – и в горный аул, откуда тебя не достанут. И семья твоя там – давить на тебя через нее не получится. А у нашего бандита все здесь – дом, семья, квартира, шкаф с малиновым пиджаком и персидская кошка с дрессированным бегемотом. И всего этого в миг можно лишиться.

Бои между славянами и кавказцами были нешуточные. Во многом благодаря сплоченности горцы побеждали. Но в итоге им все же хребет переломили, загнали в общее стойло силами и бандитов и, в основном, милиции – РУБОП их давил нещадно, порой просто жестоко.

Воры потихоньку поняли, что к новым временам надо приспосабливаться. Поделились на две фракции – ортодоксы, решившие до гробовой доски соблюдать воровской закон. Вот только что они требовали, эти законы? Собственность «законнику» иметь нельзя, жениться нельзя, жить только за счет общака, да и то по возможности скромно. И это в то время, когда миллионы долларов туда-сюда летают, когда часы за сто тысяч баксов у людей на руке, когда тачки крутые и дворцы. Когда надо захватывать заводы, недвижимость, создавать финансовые потоки. Вторая фракция доказывала: надо меняться и пытаться договариваться с бандитами, подминать их по возможности под себя уже в новых условиях. Да и собственность тоже не грех иметь – тут они полностью были схожи с партноменклатурой, которая из-за стремления к частной собственности развалила Советский Союз. И семья, и домик в деревне на Рублевке тоже вору не помешал бы.

Процессы в воровской среде один к одному повторяли процессы в стране в целом. С начала девяностых стало быстро обесцениваться все, кроме денег. Диссертации, воинские звания стали давать за взятки. Старые заслуги, профессиональные качества чиновников отошли на десятый план, уступив место коррупции и семейственности. То же самое и в воровском мире. Воров в законе – фактически воровских генералов – стали короновать за деньги. Появились «лаврушники», «апельсины» – эдакие новорусские ворюги, прикупившие сан для понтов и интриг, но толком не сидевшие и в воровских делах не участвовавшие. Притом иногда их на правильных зонах, куда они потом попадали, не признавали. Стали разворовываться общаки, в связи с чем немало народу порезали при разборах полетов. Обман, надувалово, крысятничество (кражи у своих) постепенно становились нормой – то, за что раньше на ножи безоговорочно ставили. И деньги, деньги. Шальные деньги, убивающие совесть, страх наказания.

В конце девяностых читал удивительную маляву: «бродяги, прогон воровской, по всем тюрьмам» – то есть такое коллективное указание авторитетных воров, как жизнь дальше строить на зонах. По стилю и содержанию типичная передовица в газете «Правда»: новорусские порядки и стяжательство поразили воровской мир, все решается за деньги, порочатся имена честных воров, барыги верх берут. Новорусским порядкам надо дать беспощадный бой, запретить пороченье имен честных воров, делать упор на воровские моральные ценности, опора на мужика.

Вышло так, что капитализм развалил не только советский менталитет наших граждан, но и достаточно устойчивую мораль воровского мира…

Вечером сотню сотрудников Главка выстроили в коридоре, и генерал Савин объявил, что мы всей толпой летим не зная куда, не зная зачем, но оружие нам не нужно, хватит авторучки.

Потом ночь, Чкаловский аэродром. Транспортный «ИЛ-76». К утру к нему подвезли еще сотню бойцов СОБРа, которые начали затаскивать в самолет пулеметы, ящики с патронами, светошумовыми гранатами.

– Ну, точно, в какой-то республике власть свергать будем, – предположил один из наших сотрудников. Количество оружия и боеприпасов нас смущало.

Когда самолет взлетел, выяснилось, что лететь недолго – до Питера. Там ГУБОП организовал мероприятия с целью снести бандитскую верхушку города, которая фактически пара-

лизовала деятельность правоохранительных органов и лезет в вопросы управления регионом, делит стратегические объекты.

Приземлились мы на военном аэродроме. Нас предупредили, чтобы не вздумали звонить никаким своим знакомым сотрудникам в городе.

– Здесь идет планомерный слив информации, – сообщил инициатор операции.

Транспорт нам предоставили – грузовики для перевозки солдат ВВ с надписью «люди». В кузова с трудом карабкались наши толстые, привыкшие к комфорту полковники и подполковники, матерясь на чем свет стоит:

– Ну не мальчики уже!

Высокий забор имения рядом с сосновым бором. Металлические ворота. Следачиха Генпрокуратуры, прилетевшая на отдельном, принадлежащем МЧС «ТУ-154» вместе с другими прокурорскими и следственными работниками, постучала в железную дверь:

– Генеральная прокуратура. Здесь будет произведен обыск. Откройте!

Была послана прямым текстом – «отвали, коза, прыжками».

Собровцы легко перемахнули через забор, смачные удары, дверь открылась. Охранники лежат в наручниках, все в крови. Мы – на территории. Там уютные деревянные строения, несколько новеньких «мерсов»-джипов и какой-то раритетный автомобиль. Все дорого и богато.

Опера ГУБОПа принялись за хозяина имения. Я сперва подумал, что это охранник – сухощавый, в возрасте мужичонка в затрапезном джинсовом костюме, без руки. Сотрудники с ним беседовали очень вежливо, он отвечал им тем же. Беседа текла как между старыми добрыми знакомыми.

– А ты знаешь, кто это? – спросил мой шеф.

– И кто?

– Ночной мэр Питера. Кум.

– Ох ни фига ж себе.

Кум – легендарный лидер Тамбовской ОПГ, поставившей под контроль всю питерскую братву, которая его боялась до икоты. Еще при СССР сидел за хулиганку, потом сколотил банду. Спортсмен. В начале девяностых киллер выпустил по его машине очередь, убил заслонившего его охранника, а Куму оттяпали руку. Последняя махинация стала роковой – делили какие-то нефтяные терминалы, послал к несогласному бизнесмену киллера, жертву не добили. Бандитов задержал угрозыск. Так зампрокурора города лично приезжал, орал на милицию и заставил выпустить задержанных – мол, наговариваете на честных людей. Поговаривали, что у Кума есть хранилище, где видеозаписи и компрматериал на власти и правоохранителей города. Половина думы под ним ходила.

Человек это был очень спокойный, вежливый, не рвал рубаху на груди. Почти сутки мы обыскивали его имения – дачу и огромную квартиру. Есть в Питере такой дом хитрый, который авторитетная братва скупила. Там жили даже представители воинствующих группировок, являвшихся отныне соседями. И у Кума был целый этаж. Помню, везде пачки долларов рассованы по шкафам, сейфам, столам, бесчисленные шкафы с десятками сумок, туфель – самых модных производителей новейших коллекций, большинство ни разу не надевано и не использовано. Это жена, дожившая до нервного истощения от экстремальной деятельности мужа, лечилась шопоголизмом – много лет чуть ли не каждым утром брала пачку долларов или пятитысячных купюр и шла за покупками…

В девяностые Россия четко разделилась по криминальному признаку на красные регионы, где правит бал государство, на черные – воровские и бандитские. В Питере долгое время вообще не было воров в законе – не приживались. Криминал в городе жил не по воровским законам, а по бандитским понятиям. И наверху пирамиды был Кум. Сегодня ему дали дли-

тельный срок. Один знакомый руководитель подразделения по оргпреступности сетовал: зря Кума приняли, он хоть как-то город контролировал…

Вообще чуть ли не по всей России лихие бандиты из спортсменов, правоохранителей и военных расхватали основные рэкетирские угодья и стали активно лезть в легальный бизнес. В некоторых регионах ворам удалось взять под кураторство эти бандитские группировки и гордо заявлять: «Они подо мной ходят». Хотя это было не совсем так.

Считается в народе, что воровской смотрящий за районом – это фактически его теневой руководитель. На самом деле смотрящий – это больше руководитель социальной службы. Он отвечает за пополнение общака, с которого поддерживает оказавшихся в трудном положении воров и «греет» зону, делает необходимые покупки, выделяет деньги на адвокатов и подкуп правоохранительных органов и судей. Вот с этой точки зрения и курировали воры бандитские бригады, хотя в некоторых брали верх, фактически перехватывая руководство на себя.

Кроме того, «законники» упорно трудились на ниве улаживания конфликтов между бандитскими группировками. Решения вора в законе в криминальном мире всегда само уже считается законом. Вот только быстро выяснилось, что это иллюзия, на которой многие погорели. Коррупция проникла и в воровской мир, так что часто воры решения выносили тупо за бабки, как и обычный арбитраж. Только не учли: контингент там несколько иной. И их предвзятые решения стали игнорировать, да еще за свои фокусы многие судьи поплатились жизнью. Их просто убивали за мздоимство и подыгрывание противоположной стороне…

Глава 8
Кто убьет отморозка?

Владивосток. Другая крайняя точка, уже восточная, нашей страны, где пришлось мне побывать. Командировка с мутной формулировкой – «организация борьбы с тяжкими преступлениями». Впечатления были незабываемые – как и от Калининграда. Мне тогда показалось, что это две точки, крайние не только в географическом, но и криминальном смысле.

Сразу после моего приезда там грохнули начальницу управления общественного транспорта, которая как-то не так поделила маршруты и не выполнила, вроде бы, взятые за приличные деньги обязательства. Через пару дней в порту при разборках застрелили бизнесмена, прямо перед видеокамерами, так что мы получили портреты киллеров.

Но забавнее всего было убийство авторитета в одном районе Приморского края. Тот с братвой сидел в открытом кафе, к нему подошел киллер, исполнил бедолагу из пистолета и легкой трусцой удалился. Тело- хранители бросились за ним, настигли у пожарного училища. Киллер обернулся и поинтересовался:

– Ну, догнали. И че?

У него был ствол, а у них не было. Поэтому они развели руками:

– А ниче!

Он кивнул, перемахнул через забор и сквозь территорию училища скрылся в неизвестном направлении.

Первоначальный осмотр ничего не дал. Потом начальник районного розыска хорошенько взгрел своих сотрудников за безынициативность, и они прошли тщательно по всему маршруту убийцы. И рядом с местом, где он перепрыгивал через забор училища, нашлось портмоне – а в нем права и паспорт с пропиской. Сперва оперативники подумали, что это такой хитроумный способ направить следствие по ложному пути. Сделали запрос. Из паспортного стола по месту жительства подозреваемого в соседней области прислали по факсу форму один с фоткой фигуранта. Свидетели однозначно сказали:

– Он, тварь такая.

Так что по возращении из Приморского края его тут же на месте и взяли.

Интереснее было бурное политическое море во Владивостоке, где плескался и местный криминал, и местные сумасшедшие. Мэром тогда был печально известный своей лысиной и буйным либеральным нравом Ч., правозащитник и капитан первого ранга, которого с какого-то бодуна выдвинули на этот пост. Со слов его сотрудников, он нередко сидел в кабинете под столом, заявляя, что общается с иными цивилизациями. А когда на него наехали депутаты за развал народного хозяйства, заявил, что он умирает, поставил в кабинет больничную койку, лег под капельницу и принимал так посетителей. Мнения о результатах его деятельности разнятся от «все запустил до безобразия» до «много сделал для Владивостока». Об этом пусть судят жители, но, во всяком случае, при нем было весело.

А тут еще выборы нового губернатора подоспели. Соревновались два основных кандидата: ставленник местной братвы и москвич, который являлся плодом консенсуса представителя президента по ДВФО и смотрящего за Дальним Востоком вора в законе Джема из Комсомольска-на-Амуре. Победил местный – мол, на фиг тут москвичи. Он оказался интересным субъектом. Злые языки говорили, что чиновничью карьеру начал, женившись на дочери высокопоставленного советского чиновника. Потом примкнул к братве, банде Винни Пухов, державшей порты, был у них банкиром, в том числе выделял деньги киллерам. Еще поговаривали, что, когда их пахан, на которого было записано имущество банды, приказал долго жить, все досталось жене, которая взбрыкнула и знать не хотела братву. Тогда будущего губернатора обя-

зали на ней жениться и вернуть имущество. Интересно, правда все это или злобные сплетни? Даже и не знаю и судить не берусь. Народная молва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.